

С.Н.Сергеев-Ценский

ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОССИИ

Э п о п е я

Зауряд-полк
Лютая зима

Романы

Харьков
«Фолио»
2014

ЗАУРЯД-ПОЛК

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ МИЛЛИОНЫ

I

Только что кончился первый месяц мировой войны, когда в канцелярии одной из ополченских дружин, расположенных в Севастополе, с утра сошлись: заведующий хозяйством подполковник Мазанка, командир роты, поручик Кароли, адвокат из Мариуполя, грек, и недавно прибывший в дружину, назначенный начальником команды разведчиков, прапорщик Ливенцев, призывом в ополчение оторванный от работы над диссертацией по теории функций.

В приказе по дружине было сказано, что они трое в этот день должны были, как члены комиссии, обревизовать месячную отчетность эскадрона, хотя и причисленного к дружине, но стоящего где-то в отделе, а где именно — этого не мог объяснить им командир дружины полковник Полётика. Впрочем, этот странный человек редко что мог объяснить, и теперь он, коротенький, бородатый, голубоглазый, близкий к шестидесяти годам, но больше рыжий, нежели седой, сидя у себя за столом в кабинете, говорил им:

— Так вот, красавцы, вы уж там смотрите, наведите порядок у этого ротмистра... вот черт,— совсем забыл, как его фамилия!.. Лукоянов, а? Или Лукьянов? С усами такими он черными.

— Лихачев, кажется,— сказал Мазанка.

— Ну вот — конечно... конечно, Лихачев!.. Вы там хорошенко... Кстати вот тут у вас один красавец — матема-

тик. Он сосчитает, что надо. На Северной стороне это... эскадрон этот... Туда поедете...

— На Северной? Я что-то не видал на Северной кавалерии...— качнул серой от проседи головой долгоносый Кароли, очень загорелый, почти оливковый, приземистый и излишне полный.

— На Северной артиллерия,— сказал Мазанка,— а кавалерия наша, кажется, в Балаклаве...

— Вот, черт знает, «кажется». Заведующий хозяйством должен знать, а не то чтобы «кажется»! В Балаклаве же, конечно, а не... не на этой, как ее называют?.. На Северной! Не на Северной, нет, а, разумеется, в Балаклаве.

И даже как будто рассердился немного Полетика, а Ливенцев, еще не привыкший к нему и удивленно его наблюдавший, с наивностью кабинетного человека, имеющего дело с точными и строгими рядами формул и цифр, поднял брови, присмотрелся внимательно к своему командиру и сказал весело:

— Вообще, господин полковник, этот таинственный эскадрон надо во что бы то ни стало разыскать и... распечь за то, чтобы он не прятался!

Высокий, с подстриженной бородкой, еще не старый, темноволосый, говоривший певучим тенором, единственный из трех, красавец Мазанка посмотрел на Ливенцева неодобрительно, но Полетика думал, видимо, о другом и даже не расслышал того, что сказал этот худощавый, но крепкий, со стремительным профилем прапорщик, он копался в это время в бумагах и бормотал:

— Шоссе... шессо... шессò... Сколько там шессо? Двенадцать верст?.. До Северной... то есть до Балаклавы... Возьмите линейку, кучер вас доведет.

— А когда вернемся — вам доложить? — спросил Мазанка.

— Доложить? Гм... Доложить-доложить,— а что тут такое докладывать? Напишите рапорт по форме,— там посмотрите, как это пишется, по какой форме... Доложить!.. Будто там вы у него обнаружите что-нибудь, у этого ротмистра... Лоскутова... Я его видел, помню... Усы такие длинные, черные... Ну, идите, черт возьми, что же вы стойте?.. Куда-то девал пенсне, а без пенсне я как... как баба без юбки...

— Вот пенсне! Под бумагами,— подал ему пропавшее пенсне поручик Кароли, и все вышли из кабинета, а пра-

порщик Ливенцев, выходя, любопытно обернулся на этого командира тысячи человек ополченцев и шепотом спросил Кароли:

— У него что такое? Размягчение мозга?

На что Кароли,— он был тоже веселый человек,— ответил:

— Накажи меня бог,— его надо сделать начальником штаба при верховном главнокомандующем на место генерала Янушкевича!

Канцелярия была унылая, насквозь прокуренная комната, дощатой перегородкой отгороженная от остального длиннейшего каменного сарая, принадлежавшего порту. И столы и скамейки в канцелярии были кое-как сколочены из плохо оструганных досок, причем больше всего привлекла внимание Ливенцева в первый день, как он здесь появился, надпись крупными, старательными готическими буквами на деревянной перегородке: «Приказист», и под этой надписью другая, на спинке какого-то подобия стула: «Стул приказист». Это странное слово очень смешило Ливенцева.

Ополченцы за перегородкой размещались просто на полу, на соломе. Ходили они в своей одежде; винтовок им не выдавали: были только учебные, служащие для практики в разборке и сборке, и то не трехлинейки, а берданки. Впрочем, усиленно говорили в штабе крепости, что скоро придут откуда-то японские винтовки времен русско-японской войны. Ввиду строжайшего запрещения каких бы то ни было отпусков по три-четыре человека из роты пропадали ежедневно в самовольных отлучках, и Ливенцеву приходилось производить каждый день по несколько дознаний и изобретать для провинившихся ополченцев обстоятельства, смягчающие их тяжкую вину, так как уходили отцы семейств, больше чем сорокадвухлетние степенные дяди, схваченные мобилизацией на полях и не успевшие распорядиться по хозяйству. Они оборачивались за несколько дней, сами понимая, что уж раз запрещено, надо спешить, и умоляюще глядели в глаза Ливенцеву, давая свои показания.

С крутого берега над портовыми сараями видна была вся бухта с боевыми судами и внешний рейд с тральщиками и сторожевым крейсером. В первый день, как приехал сюда Ливенцев, все боевые суда были густо обвешаны матросскими рубашками и подштанниками, так как был день

мойки белья, и смешливый Ливенцев долго хохотал над таким преувеличенно мирным видом грозных судов.

Стоял золотой сентябрь. Погода была великолепная. Всюду валялись арбузные и дынные корки. И хотя прапорщика Ливенцева стесняла шашка, которая все съезжала наперед и норовила попасть между ногами, и хотя очень надоело то, что все время надо было подносить руку к козырьку, принимать или отдавать честь, все же куча свалившихся на него обязанностей, самых неожиданных и большей частью для него непостижимых, занимала его чрезвычайно; с непривычки к такой суете он к вечеру очень уставал и тупел. Главное, его, до призыва имевшего дело только с безмолвными рядами математических выкладок и с очень молчаливой старухой-матерью, вдруг бросило в людской водоворот, причем одни люди зависели от него, от других зависел он сам, а третьи, ничего не понимавшие в теории функций, вдруг почему-то оказались его товарищами.

Он не успел еще отвыкнуть от того, что считал важнейшим своим делом, и привыкнуть к мысли, что самое важное теперь, даже и в его жизни, как и в жизни всех кругом, вот эта самая, месяцю назад начавшаяся война. Его еще не прищемило войной даже до боли, в то время как для миллионов кругом война была уже смерть. И хотя каждый день читал он газеты и телеграммы с театра военных действий, все-таки он представлял себе то, что там делается, только так, как это писалось в донесениях: наши войска победоносно наступали в Галиции, брали один за другим города, и десятки тысяч пленных, и огромные стога снарядов, стоявшие на австрийских полях, и как будто ничего не теряли сами,— прогулка, феерия!.. Как и всем кругом, читавшим только русские газеты, ему казалось, что война для Австрии дальше уже немыслима, остается только просить пардону, что месяца через два немецкие державы заговорят о мире, а он снимет эту чрезвычайно неудобную шашку и снова засядет за диссертацию вплотную и закончит ее в назначенный себе самому срок, если начнет работать усерднее и наверстает потерянное время.

Походка у него была с неверным постановом ног и ныряющая — всем корпусом и особенно правым плечом — вперед.

Так как теперь, когда они трое шли к ожидавшей их линейке, было еще утро и он не успел устать, то все кругом было ярким для его глаз: и блеск солнца на отшлифован-